

Международный пакт о гражданских и политических правах

Distr.: General
23 January 2023
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола относительно сообщения № 2830/2016* **

<i>Сообщение представлено:</i>	Русланом Саволайненом (представлен адвокатом Светланой Громовой)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Российская Федерация
<i>Дата сообщения:</i>	25 декабря 2014 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 26 октября 2016 года
<i>Дата принятия Соображений:</i>	19 июля 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	право на мирные собрания; свободное выражение; недискриминация
<i>Процедурный вопрос:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	необоснованное ограничение права на мирные собрания и свободу выражения мнений; дискриминация в отношении лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров
<i>Статьи Пакта:</i>	19, 21 и 26
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	5 (п. 2 b))

1. Автором сообщения является Руслан Саволайнен, гражданин России 1989 года рождения. Он утверждает, что является жертвой нарушения Российской Федерацией его прав, предусмотренных статьями 19, 21 и 26 Пакта. Факультативный протокол

* Приняты Комитетом на его сто тридцать пятой сессии (27 июня — 27 июля 2022 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочоль, Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Махджуб эль-Хайба, Сюити Фуруя, Карлос Гомес Мартинес, Марсия В. Дж. Кран, Данкан Лаки Мухумуза, Фотини Пазардзис, Эрнан Кесада Кабрера, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Чхангрок Со, Кобойя Чамджа Кпача, Элен Тигруджа, Имэру Тэмэрэт Йыгэзу и Гентиан Зюбери.

вступил в силу для государства-участника 1 января 1992 года. Автора представляет адвокат Светлана Громова.

Факты в изложении автора

2.1 Автор является членом сообщества лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров и правозащитником этого сообщества в Санкт-Петербурге, Российская Федерация. 31 марта 2013 года, в Международный день видимости трансгендеров, автор планировал провести несколько пикетов в различных местах Санкт-Петербурга и подал запросы в соответствующие органы с просьбой разрешить проведение мероприятий. Однако все просьбы были отклонены, поэтому пикеты не состоялись.

2.2 В частности, 25 марта 2013 года автор подал уведомление в Комитет по вопросам правосудия, правопорядка и безопасности Администрации Санкт-Петербурга с информацией о запланированном на 31 марта 2013 года пикете на Пионерской площади, перед памятником Грибоедову, с 15 ч 00 мин до 16 ч 00 мин с участием до 20 человек. Целью мероприятия было привлечь внимание широкой общественности и сотрудников правоохранительных органов к дискриминации, с которой сталкиваются трансгендеры и транссексуалы, а также другие гендерные меньшинства, и повысить узнаваемость трансгендерного сообщества для властей и общества в целом. Автор уведомил городскую администрацию о цели, дате, времени и месте проведения мероприятия, а также указал в уведомлении, что участники планируют использовать баннеры, плакаты, листовки и другие средства наглядной агитации. В своем уведомлении властям автор указал, что во время мероприятия будут вывешены плакаты со следующими лозунгами: «Мой пол — мой выбор», «Переход к равенству и уважению» и «Анатомия — это не судьба».

2.3 27 марта 2013 года представитель городской администрации сообщил ему по телефону, что проведение пикета невозможно, так как в тот же день на том же месте запланировано другое мероприятие. В качестве альтернативы представитель предложил провести пикет в другое время или в другом месте. В качестве альтернативного места расположения представитель назвал Новоселки, пригород Санкт-Петербурга. Автор поинтересовался, в какое еще время можно провести пикет на Пионерской площади, но представитель не смог дать никакого внятного ответа. Автор также поинтересовался, в какое время начнется и закончится другое мероприятие, но представитель заявил, что не знает.

2.4 В письменном ответе, также датированном 27 марта 2013 года, городская администрация сообщила автору, что проведение пикета на Пионерской площади невозможно из-за массового спортивного мероприятия по спортивному ориентированию, организованного районными властями в том же месте 31 марта 2013 года, и что проведение пикета в то же время нарушит права других лиц, не участвующих в пикете. Администрация города вновь предложила автору рассмотреть возможность изменения даты и/или времени запланированного мероприятия или, в качестве альтернативы, провести его в запланированные дату и время, но в другом месте, в Новоселках Выборгского района Санкт-Петербурга. Автору было предложено в письменном виде проинформировать городскую администрацию о своем решении относительно предложенного изменения. Ему также сообщили, что он не получит разрешения на проведение мероприятия, если предложенное изменение не будет согласовано.

2.5 24 апреля 2013 года автор оспорил ответ городской администрации в Смольнинском районном суде Санкт-Петербурга, заявив, что запрет на проведение пикета был необоснованным, поскольку запланированное спортивное мероприятие не делало автоматически невозможным проведение пикета автором. Он также обжаловал тот факт, что альтернативное место, предложенное городской администрацией, не будет отвечать целям запланированного пикета и не отразит его общественно-политическую значимость, в силу его удаленности и ограниченного прохода людей через него. Хотя это место формально находилось в черте Санкт-Петербурга, оно было далеко от центра города, и дорога туда на общественном транспорте заняла бы около двух часов. Напротив, Пионерская площадь находилась в центре города и была легко доступна как для участников, так и для представителей средств массовой информации.

2.6 В ходе слушания в районном суде 30 апреля 2013 года автор дополнительно заявил, что 31 марта 2013 года Пионерская площадь была пуста и, судя по всему, на ней не проводилось никакого другого мероприятия. Он попросил суд вызвать в качестве свидетеля человека, который находился на Пионерской площади 31 марта 2013 года, наблюдал за ней и фотографировал. Он также просил суд приобщить к делу фотографии, свидетельствующие о том, что площадь была пуста. Однако обе просьбы были отклонены.

2.7 30 апреля 2013 года районный суд отклонил жалобу автора, установив, что оспариваемый ответ городской администрации был принят согласно соответствующим положениям внутреннего законодательства и не нарушил право автора на свободу выражения мнения и собраний. В частности, он установил, что очевидно, что государственные органы не могли одобрить проведение нескольких мероприятий в одно и то же время и в одном и том же месте, поскольку это явно нарушило бы права участников каждого из мероприятий. Автор не был лишен возможности провести мероприятие в альтернативном месте, предложенном городской администрацией, или выдвинуть собственное предложение о другом месте или времени проведения мероприятия.

2.8 Автор обжаловал решение районного суда в городском суде Санкт-Петербурга. 17 июля 2013 года городской суд отклонил апелляцию и, не дав своей оценки доводам, выдвинутым городской администрацией в оспариваемом ответе, признал, что отказ в согласовании проведения пикета в месте и в день, выбранные автором, был обоснованным. Городской суд отметил в этой связи, что памятник Грибоедову на Пионерской площади, где планировалось проведение мероприятия, расположен в непосредственной близости от детского театра, что означает, что через площадь проходят дети разных возрастов, направляясь в театр или выходя из него. Со ссылкой на соответствующие положения отечественного законодательства, в том числе федеральных законов № 124-ФЗ об основных гарантиях прав ребенка и № 436-ФЗ о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, городской суд, в частности, установил, что «попытка участников пикета, запланированного на 31 марта 2013 года, распространять листовки и иные средства наглядной агитации, призывающие к толерантному отношению к трансгендерам, транссексуалам и другим гендерным меньшинствам возле [детского театра], хотя содержащиеся в уведомлении лозунги не являются исчерпывающими, должна быть признана невозможной в силу потенциальной угрозы нравственному и духовному развитию детей». Он также установил, что «несогласование [городской администрацией] проведения пикета [автора] на Пионерской площади не нарушило прав [автора], поскольку фактически препятствовало распространению в непосредственной близости от учреждения культуры, ... предлагающего театральные представления для детей, информации, способной сформировать искаженные представления о социальном равенстве традиционных и нетрадиционных брачных отношений у лиц, не способных в силу своего возраста самостоятельно критически оценить такую информацию».

2.9 Автор подал кассационную жалобу в Президиум Санкт-Петербургского городского суда. 18 октября 2013 года жалоба была отклонена.

Содержание жалобы

3.1 Автор утверждает о нарушении его прав по статьям 19 и 21, поскольку отказ в разрешении на проведение пикета 31 марта 2013 года представлял собой вмешательство в его права, которое не было предусмотрено законом, не служило законной цели и не было необходимым в демократическом обществе.

3.2 Автор далее утверждает, что отказ в разрешении на проведение пикета 31 марта 2013 года представляет собой нарушение его прав по статье 26 Пакта, поскольку отказ представлял собой различие в обращении по признаку гендерной идентичности и, следовательно, в отсутствие разумного и объективного обоснования такого различия в обращении, был дискриминационным по смыслу статьи 26 Пакта. Автор, в частности, отмечает, что отказ в проведении пикета в его случае был связан с содержанием и целью публичного мероприятия и являлся фактическим запретом на распространение любой информации о транссексуалах и трансгендерах и других

гендерных меньшинствах среди несовершеннолетних. Он также отмечает общую ситуацию с публичными мероприятиями, проводимыми сообществом лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров в государстве-участнике, и утверждает, что в период с 2008 по 2013 год большинство уведомлений о публичных мероприятиях, организованных в поддержку этого сообщества, которые были поданы в различные компетентные органы, были отклонены.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальной ноте от 24 августа 2017 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола. Оно утверждает, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, доступные ему в соответствии с внутренней процедурой, поскольку не подал кассационную жалобу на решения национальных судов в Верховный суд. Государство-участник ссылается на дело *Абрамян и др. против России*, при рассмотрении которого Европейский суд по правам человека признал, что процедура кассационного обжалования, введенная в Гражданский процессуальный кодекс Федеральным законом № 353-ФЗ, является эффективной и подлежит исчерпанию для целей приемлемости жалобы в Суде¹.

4.2 Для того чтобы продемонстрировать эффективность и доступность нового внутреннего средства правовой защиты, государство-участник представляет статистическую информацию за период 2014–2015 годов с указанием общего количества дел, рассмотренных в рамках кассационной процедуры Гражданской и Административной палатами Верховного суда, количества удовлетворенных кассационных жалоб и количества решений нижестоящих судов, оставленных в силе, измененных или отмененных с передачей дела на новое рассмотрение или принятием нового решения².

4.3 Что касается существа дела, государство-участник указывает на противоречия между аргументами, выдвинутыми автором в его сообщении Комитету, и обстоятельствами дела, установленными национальными судами, отмечая, что в ходе

¹ Заявления № 38951/13 и № 59611/13, решение от 12 мая 2015 года.

² В деле имеется следующая статистическая информация: «В 2014 году Гражданская палата Верховного суда рассмотрела в кассационном порядке 588 дел. В 541 случае кассационные жалобы были удовлетворены. 271 решение было отменено, 97 апелляционных определений оставлены без отмены и изменения, 103 апелляционных определения ... отменены с передачей дела на новое апелляционное рассмотрение и 20 кассационных определений оставлены без отмены и изменения. В 3 случаях решения были изменены. В 47 случаях были приняты другие постановления с удовлетворением кассационных (надзорных) жалоб.

За указанный период времени Административная палата Верховного суда рассмотрела 70 дел в кассационном порядке, в 67 случаях кассационные жалобы были удовлетворены. В частности, 25 решений были отменены, 12 апелляционных определений оставлены без отмены и изменения, 4 апелляционных определения отменены с передачей дела на новое апелляционное рассмотрение и 7 кассационных определений оставлены без отмены и изменения.

В 2015 году Гражданская палата Верховного суда рассмотрела 27 дел в порядке кассационного производства. В 894 случаях кассационные жалобы были удовлетворены. 336 решений были отменены, из них 147 решений были отменены с возвращением дела на новое рассмотрение, 185 решений были отменены с принятием нового решения и 4 решения были отменены с оставлением заявления без рассмотрения. Также было отменено 506 апелляционных определений, из которых в 117 случаях решения первой инстанции были оставлены в силе, а 389 дел были переданы на новое апелляционное рассмотрение.

За указанный период времени Административная палата Верховного суда рассмотрела в кассационном порядке 139 административных дел, из которых по 11 административным делам кассационные жалобы были отклонены, по 128 административным делам кассационные жалобы были удовлетворены и, в частности, 63 судебных акта первой и апелляционной инстанций были отменены; 14 административных дел были переданы на новое рассмотрение в суд первой инстанции; в 49 случаях был принят новый судебный акт; 33 апелляционных решения были отменены; 10 административных дел были возвращены в апелляционный суд на новое рассмотрение; в 23 случаях решения судов первой инстанции были оставлены в силе».

разбирательства в национальных судах автор не ссылаясь на то, что он является членом сообщества лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров и что он планировал провести многочисленные публичные мероприятия 31 марта 2013 года, но власти отказали ему в разрешении на проведение любого из этих мероприятий. Государство-участник также отмечает, что информация о месте проведения запланированного пикета неточно указана в сообщении как «Пионерская площадь, напротив памятника Грибоедову», тогда как в уведомлении от 25 марта 2013 года это место было указано как «Пионерская площадь (рядом с памятником Грибоедову)»³. Последняя формулировка, по мнению государства-участника, свидетельствует о том, что автор намеревался провести пикет на всей территории площади, а не только перед памятником, что оправдывает применение национальными судами соответствующего законодательства, касающегося гарантий прав несовершеннолетних.

4.4 Государство-участник далее утверждает, что информация, предоставленная автором о содержании его телефонного разговора от 27 марта 2013 года с представителем городской администрации, не была подтверждена никакими доказательствами. Оно также отмечает, что оспариваемый письменный ответ городской администрации, также датированный 27 марта 2013 года, не содержал отказа в проведении запланированного пикета. В своем ответе власти, скорее, предложили автору возможность проведения мероприятия в другое время или в другом месте в связи с необходимостью соблюдения прав и интересов других лиц, которые планировали провести спортивное мероприятие на Пионерской площади в выбранную автором дату. Альтернативное место, предложенное автору, находилось в черте города и было доступно на общественном транспорте для любого заинтересованного в предложенном авторе мероприятии лица. Кроме того, предложенное альтернативное место было ближе к месту жительства автора, чем Пионерская площадь.

4.5 Давая свою оценку аргументу автора о том, что ограничение его прав было незаконным, необоснованным и не преследовало законной цели, государство-участник отмечает, что необходимость ограничения была подтверждена в рамках разбирательства в национальных судах, поскольку цель мероприятия, сформулированная в уведомлении от 25 марта 2013 года, планируемое участие в пикете до 20 человек, намерение использовать не только баннеры и плакаты, но и распространять листовки, содержание которых не было указано в уведомлении, а также намерение обеспечить освещение мероприятия в средствах массовой информации свидетельствуют о том, что запланированное мероприятие не было нейтральным и нарушало российское законодательство.

4.6 Оценивая решение от 17 июля 2013 года, принятое Санкт-Петербургским городским судом по апелляции, государство-участник отмечает, что выводы, сделанные городским судом, соответствовали положениям Конвенции о правах ребенка и национальному законодательству, включая закон № 124-ФЗ об основных гарантиях прав ребенка и закон № 436-ФЗ о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Городской суд принял во внимание конкретные обстоятельства дела, включая тот факт, что место проведения мероприятия, запланированного автором, находилось в непосредственной близости от детского культурного учреждения; дата проведения мероприятия совпала с периодом весенних школьных каникул; а содержание лозунгов, предложенных для распространения на плакатах, листовках и других наглядных материалах, не является исчерпывающим. Он установил, что запрещено распространять вблизи учреждений культуры «информацию, эксплуатирующую интерес детей в возрасте до 16 лет к сексу, что может оказать реальное негативное влияние на их нравственное и духовное развитие».

4.7 Государство-участник далее утверждает, что при рассмотрении дела национальные суды приняли во внимание возможность при определенных обстоятельствах наложения ограничений на рассматриваемые права. Суды,

³ Изначальная формулировка на русском языке в уведомлении от 25 марта 2013 года гласит: «Пионерская площадь (у памятника А.С. Грибоедову)».

основываясь на общепринятых в государстве-участнике моральных нормах и правилах общественного порядка, оценили характер публичного мероприятия, запланированного автором. Они пришли к выводу, что ограничение права автора было предписано законом и допустимо. Кроме того, государство-участник отмечает, что, как видно из содержания оспариваемого ответа городской администрации, автору не отказали в разрешении на проведение публичного мероприятия в выбранном месте, а предложили определить другое время для проведения мероприятия или провести его в желаемое время и дату, но в другом месте. Государство-участник утверждает, что автор добровольно отказался от своих прав, не последовав предложению властей об альтернативном месте проведения или не изменив время проведения своего мероприятия. Оно также утверждает, что автор излагает обстоятельства дела таким образом, что возлагает на власти ответственность за свой собственный отказ принять решение об альтернативном месте или времени для проведения пикета и представляет факты так, как будто власти не только отказали в разрешении на проведение пикета, но и угрожали ему задержанием. Автор мог не следовать предложению городской администрации, а самостоятельно принять решение об изменении времени проведения мероприятия, если конкретная дата пикета была для него важна.

4.8 Следовательно, государство-участник делает вывод о том, что права автора по статьям 9, 21, и 26 Пакта не были нарушены.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника

5.1 27 октября 2017 года автор представил свои комментарии по замечаниям государства-участника. По вопросу исчерпания внутренних средств правовой защиты он заявил, что новая кассационная процедура по-прежнему представляет собой экстраординарное средство правовой защиты и неэффективна в его конкретном случае; статистические данные, представленные государством-участником в обоснование эффективности новой процедуры, были неточными, непоследовательными и не имели отношения к его делу; и государство-участник не представило никаких статистических данных, которые бы свидетельствовали о том, что новый кассационный пересмотр является эффективным средством правовой защиты в делах, касающихся свободы выражения мнений и мирных собраний. Автор далее отмечает, что он подал свое первоначальное сообщение в Комитет 25 декабря 2014 года, т. е. до принятия Европейским судом по правам человека 12 мая 2015 года решения по делу *Абрамян и др. против России*, и что на момент подачи своего сообщения он не мог разумно ожидать, что законодательная реформа, вводящая новую кассационную процедуру, которая только что была введена в действие, сделает кассационную процедуру эффективным средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано. Поэтому он не стал подавать повторную кассационную жалобу в Верховный суд, полагаясь на устоявшуюся судебную практику, согласно которой четвертая инстанция судебного контроля в Российской Федерации не является эффективным средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано.

5.2 Далее автор рассматривает каждый из аргументов, выдвинутых государством-участником в своих замечаниях, касающихся существа дела. В частности, он утверждает, что информация об аналогичных публичных мероприятиях, запланированных на 31 марта 2013 года, не имела значения в рамках внутреннего разбирательства, в котором он оспаривал решение городской администрации от 27 марта 2013 года в отношении его уведомления от 25 марта 2013 года о проведении пикета. Информация о результатах других запланированных пикетов была предоставлена Комитету для того, чтобы продемонстрировать предпосылки и общую картину дискриминации в отношении гендерных меньшинств и сообщества лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров в целом. Что касается замечаний государства-участника относительно места проведения запланированного пикета, автор отмечает, что в своем уведомлении от 25 марта 2013 года он прямо указал это место как Пионерскую площадь перед памятником Грибоедову, что подразумевает территорию в непосредственной близости от памятника и не может пониматься как охватывающая всю площадь. Национальные суды правильно истолковали информацию в его уведомлении о месте планируемого пикета и не сделали никаких

выводов в том смысле, что он действительно планировал распространить пикет на всю Пионерскую площадь.

5.3 Комментируя основания для отказа национальных властей разрешить проведение пикета на Пионерской площади, поскольку в том же месте уже было запланировано другое публичное мероприятие и что проведение двух публичных мероприятий в одно время и в одном месте было бы невозможно, автор отмечает, что национальное законодательство не запрещает проведение двух различных мероприятий в одном и том же месте. Ссылаясь на прецедентное право Конституционного суда Российской Федерации⁴, автор отмечает, что органы государственной власти могли предложить только такие альтернативные варианты изменения времени и/или места проведения мероприятия, которые позволили бы реализовать цели мероприятия. Он также подчеркивает, что вывод национальных властей о невозможности проведения двух различных мероприятий в одно и то же время был сделан без изучения ими конкретных обстоятельств запланированного спортивного мероприятия и обстоятельств автора. Власти не учли, что в пикете примут участие не более 20 человек, которые собирались провести стационарный митинг всего на один час в совершенно конкретной точке Пионерской площади — перед памятником Грибоедову. Автор также отмечает, что городская администрация не предложила ему провести пикет в тот же день, но в другое время, до или после спортивного мероприятия, и что национальные суды не дали должной оценки этому упущению. Более того, в оспариваемом ответе городской администрации не было указано точное время проведения спортивного мероприятия, что исключало возможность обсуждения проведения пикета до или после этого мероприятия в тот же день. Автор также утверждает, что государство-участник не представило никаких соответствующих аргументов, способных продемонстрировать, что цель мероприятия может быть достигнута в предложенном альтернативном месте, которое является отдаленным районом с ограниченным потоком людей. Он отмечает, что отказ в согласовании пикета в его случае представляет собой необоснованное вмешательство в его право на свободу мирных собраний, которое не может быть устранено предложением провести пикет в безлюдном месте на окраине Санкт-Петербурга⁵.

5.4 Комментируя аргумент государства-участника о том, что автор добровольно согласился не проводить пикет в обстоятельствах дела, автор утверждает, что в своем ответе от 27 марта 2013 года городская администрация не только отказалась одобрить проведение пикета в запланированном месте, но и предупредила его об ответственности в случае проведения пикета без согласования. Опасаясь возможного задержания и ответственности, которая может быть возложена на него за нарушение правил проведения публичных мероприятий, он был вынужден отказаться от идеи проведения пикета. Ссылаясь на выводы Европейского суда по правам человека по делу *Берладир и др. против России*⁶, автор отмечает, что в соответствии с российским законодательством публичное мероприятие не может быть проведено на законных основаниях, если организатор мероприятия отклонил предложение государственных органов о другом месте и/или времени проведения мероприятия. Если организатор проводит мероприятие в неутвержденном месте, такое мероприятие может быть разогнано, а его организаторы и участники могут быть арестованы и осуждены за административные правонарушения. В этой связи автор отмечает, что проведение пикета на Пионерской площади после отказа властей в его согласовании поставило бы автора и других участников под угрозу преследования за административное правонарушение, в то время как проведение пикета в месте, предложенном властями, лишило бы пикет всякого смысла.

5.5 Что касается аргументации, выдвинутой Санкт-Петербургским городским судом в его решении от 17 июля 2013 года по апелляции, автор утверждает, что она

⁴ Ссылка на определение Конституционного суда Российской Федерации № 484-О-П от 2 апреля 2009 года.

⁵ Ссылка на практику Комитета по делу *Евзрезов против Беларуси* (CCPR/C/117/D/2101/2011), п. 8.4, и практику Европейского суда по правам человека по делу *Лаиманкин и др. против России*, жалобы № 57818/09 и 14 других, постановление от 7 февраля 2017 года, п. 422.

⁶ Заявление № 34202/06, постановление от 10 июля 2012 года, п. 48.

раскрывает дискриминационную цель отказа в проведении пикета, а именно воспрепятствовать гендерным меньшинствам стать видимыми для общественности и привлечь внимание общественности к их проблемам. Автор утверждает, что, косвенно ссылаясь в своих рассуждениях на запрет «пропаганды гомосексуализма/ трансгендерности» среди несовершеннолетних, городской суд демонстрирует предвзятое отношение к сексуальным и гендерным меньшинствам⁷. Он отмечает, что идеи, которые планировалось распространять во время пикета, не были откровенно сексуальными, агрессивными или пропагандирующими какие-либо конкретные сексуальные действия или поведение. Он также отмечает, что национальное законодательство уже предусматривает уголовную ответственность за развратные действия в отношении несовершеннолетних и распространение порнографии среди несовершеннолетних. Государство-участник не представило никаких причин, почему эти положения являются недостаточными и почему оно считает, что несовершеннолетние более уязвимы для злоупотреблений в контексте вопросов трансгендерности и транссексуальности, чем в контексте сексуальности и гендера в целом.

5.6 В заключение автор утверждает, что отказ в разрешении на проведение пикета в его случае был основан на негативных стереотипах и предрассудках в отношении транссексуалов и трансгендеров и других гендерных меньшинств, и поэтому носил дискриминационный характер и не был необходим в демократическом обществе.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любое содержащееся в сообщении утверждение, Комитет должен в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

6.2 Согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, а именно процедуру кассационного обжалования в Верховном суде. Комитет принял к сведению ссылку государства-участника на практику Европейского суда по правам человека в отношении изменений, внесенных в Гражданский процессуальный кодекс Федеральным законом № 353-ФЗ от 2010 года, и вывод этого Суда об эффективности новой кассационной процедуры. Комитет также принимает к сведению заявление автора о том, что он не исчерпал возможности новой кассационной процедуры по причинам, упомянутым в пункте 5.1 выше. Комитет напоминает о своей правовой практике и вновь заявляет, что авторы должны исчерпать все внутренние средства правовой защиты для соблюдения требования подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола в той мере, в которой эти средства правовой защиты представляются эффективными в данном случае, и де-факто имеются у автора⁸. Комитет также напоминает, что одни лишь сомнения по поводу эффективности средств правовой защиты не освобождают индивида от выполнения требования, касающегося исчерпания имеющихся внутренних средств правовой защиты⁹.

6.4 В данном деле автор не утверждает, что у него не было доступа к новой кассационной процедуре, которая де-факто была ему доступна. Однако автор

⁷ Автор ссылается на практику Европейского суда по правам человека по данному вопросу, в частности на дела *Баев и др. против России*, жалобы № 67667/09 и две других, постановление от 20 июня 2017 года; *Алексеев против России*, заявления №№ 4916/07, 25924/08 и 14599/09, постановление от 21 октября 2010 года.

⁸ См., среди прочего, *Уорсейм против Канады* (CCPR/C/102/D/1959/2010), п. 7.4; и *П.Л. против Германии* (CCPR/C/79/D/1003/2001), п. 6.5.

⁹ *Лигаэй и др. против Австралии* (CCPR/C/113/D/1937/2010), п. 9.3.

оспаривает эффективность такой процедуры в его конкретном случае, а именно в отношении проведения публичных мероприятий, организуемых сообществом лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров в общем контексте дискриминации гендерных меньшинств и этого сообщества государственными органами.

6.5 Оценивая эффективность новой процедуры кассационного обжалования в отношении рассматриваемых сообщений, Комитет отметил, что процедура кассационного обжалования, введенная Федеральным законом № 353-ФЗ от 2010 года, вступившим в силу 1 января 2012 года, позволяет проводить пересмотр вступивших в силу судебных решений только по вопросам права. Решение о передаче дела на рассмотрение суда кассационной инстанции носит дискреционный характер и выносится судьей единолично. Это означает, что такие кассационные пересмотры содержат элементы экстраординарного средства правовой защиты. В этой связи государство-участник должно продемонстрировать наличие разумной перспективы того, что такая процедура станет эффективным средством правовой защиты в обстоятельствах данного дела¹⁰. Комитет отмечает в этой связи, что государство-участник представило статистическую информацию в обоснование своего аргумента о том, что кассационная процедура в Верховном суде представляет собой эффективное внутреннее средство правовой защиты, которое должно быть исчерпано. Однако Комитет отмечает, что статистическая информация носит общий характер и не отражает случаи, связанные с заявлениями о нарушении прав на свободу собраний и выражения мнений, в частности в отношении сообщества лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров. Комитет далее отмечает ссылку государства-участника на решение Европейского суда по правам человека от 12 мая 2015 года, в котором он постановил, что кассационная процедура, введенная в результате внесения изменений в Гражданский процессуальный кодекс федеральным законом № 353-ФЗ, является эффективной и должна быть исчерпана для целей приемлемости жалобы в Суде. Комитет считает, что применение властями законодательства государства-участника к собраниям по вопросам лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров, принимая во внимание поддержку такой практики Конституционным судом государства-участника и отсутствие какой-либо информации от государства-участника об эффективности новой процедуры кассационного обжалования в таких случаях, делает успешный исход для автора в рамках новой процедуры кассационного обжалования маловероятным¹¹. Поэтому Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела кассационная процедура в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом не должна рассматриваться как средство правовой защиты, которое автор должен был исчерпать для целей приемлемости сообщения. В этой связи Комитет считает, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует ему в рассмотрении настоящего сообщения.

6.6 Комитет пришел к выводу, что утверждения авторов, относящиеся к статьям 19, 21 и 26 Пакта, являются достаточно обоснованными для целей приемлемости. Поэтому он объявляет их приемлемыми и переходит к рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

7.1 Комитет рассмотрел сообщение с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Комитет принял к сведению утверждение автора о нарушении его прав по статье 21 Пакта. Он напоминает о своем замечании общего порядка № 37 (2020), в котором он отметил, что право на мирные собрания защищает возможность человека осуществлять свою индивидуальную свободу общения с другими. Вместе с другими смежными правами оно формирует саму основу системы государственного управления с участием граждан, базой для которой являются демократия, права

¹⁰ *Шумилин против Беларуси* (CCPR/C/105/D/1784/2008), п. 8.3; и *Дорофеев против Российской Федерации* (CCPR/C/111/D/2041/2011), п. 9.6.

¹¹ См. например, *С.Л. против Чешской Республики* (CCPR/C/103/D/1850/2008), п. 6.4; и *Мин-Кю Чён и др. против Республики Корея* (CCPR/C/101/D/1642-1741/2007), п. 6.3.

человека, верховенство права и плюрализм¹². Кроме того, государства должны обеспечивать, чтобы законы, их толкование и применение не приводили к дискриминации при осуществлении права на мирные собрания, например по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности¹³.

7.3 Комитет далее напоминает о своем замечании общего порядка № 37 (2020), согласно которому в отношении права на мирные собрания не могут применяться какие-либо ограничения, кроме тех, которые а) применяются в соответствии с законом и б) которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности или общественной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), охраны здоровья или нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. На государствах-участниках лежит обязанность обоснования ограничений этого права, защищаемого статьей 21 Пакта, и доказывания того, что такие ограничения не являются несоразмерным препятствием для осуществления этого права¹⁴. Власти должны быть способны доказать, что любые ограничения отвечают требованию законности, а также являются одновременно необходимыми в соответствии по крайней мере с одним из допустимых оснований для введения ограничений, перечисленных в статье 21 Пакта, и соразмерными такому основанию. Ограничения не должны носить дискриминационного характера, наносить ущерба самой сути данного права или быть направлены на создание препятствий для участия в собраниях или оказание сдерживающего воздействия. Если эта обязанность не соблюдается, то имеет место нарушение статьи 21¹⁵.

7.4 Кроме того, Комитет отмечает, что на государствах-участниках лежат определенные позитивные обязанности по содействию проведению мирных собраний и созданию условий для достижения их участниками своих целей¹⁶. Таким образом, государства должны содействовать созданию благоприятных условий для осуществления права на мирные собрания без дискриминации и создать правовую и институциональную базу, позволяющую эффективно осуществлять это право.

7.5 Касательно данного случая Комитет отмечает, что и государство-участник, и автор согласны с тем, что отказ разрешить проведение пикета на Пионерской площади в Санкт-Петербурге представлял собой вмешательство в право авторов на свободу собраний, однако мнения сторон расходятся относительно того, было ли данное ограничение допустимым.

7.6 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что его решение не разрешать пикет с объявленной целью привлечь внимание широкой общественности и сотрудников правоохранительных органов к дискриминации, с которой сталкиваются трансгендеры и транссексуалы и другие гендерные меньшинства, а также повысить узнаваемость сообщества трансгендеров для властей и общества, было законным, необходимым и соразмерным, учитывая цель защиты прав других лиц, а именно несовершеннолетних от информации, наносящей вред их моральному и духовному развитию, и участников другого публичного мероприятия, организованного в том же месте и в ту же дату (пп. 4.4–4.6 выше).

7.7 В своем замечании общего порядка № 37 (2020) Комитет отметил, что ограничения на проведение мирных собраний по соображениям охраны нравственности населения следует налагать только в исключительных случаях. В таких крайне редких случаях это основание не должно использоваться для защиты представлений о нравственности, вытекающих только из одной общественной, философской или религиозной традиции, и любые такие ограничения должны пониматься в свете универсальности прав человека, плюрализма и принципа недискриминации. На этом основании не могут вводиться ограничения по причине,

¹² П. 1.

¹³ П. 25.

¹⁴ П. 36. См. также *Поплавный против Беларуси* (CCPR/C/115/D/2019/2010), п. 8.4.

¹⁵ *Чеботарева против Российской Федерации* (CCPR/C/104/D/1866/2009), п. 9.3.

¹⁶ Замечание общего порядка № 37 (2020), п. 24; и *Турченок против Беларуси* (CCPR/C/108/D/1948/2010 и CCPR/C/108/D/1948/2010/Corr.1), п. 7.4. См. также резолюцию 38/11 Совета по правам человека, п. 4.

например, неприятия проявлений сексуальной ориентации или гендерной идентичности¹⁷.

7.8 Комитет в своем замечании общего порядка № 37 (2020) также отметил, что мирные собрания в принципе могут проводиться во всех местах, в которые имеет или должно иметь доступ население, таких как общественные площади и улицы¹⁸. Не следует отводить для мирных собраний отдаленные районы, в которых собрание не сможет эффективно привлечь внимание своей целевой аудитории или широких кругов населения. Хотя время, место и порядок проведения собраний при некоторых обстоятельствах могут быть предметом законных ограничений по статье 21, учитывая типично экспрессивный характер собраний, участники должны иметь возможность, насколько это возможно, проводить собрания в пределах видимости и слышимости своей целевой аудитории¹⁹. Любые ограничения на участие в мирных собраниях следует основывать на дифференцированной или индивидуальной оценке действий участников и соответствующего собрания²⁰.

7.9 Ограничения, налагаемые в целях защиты прав и свобод других лиц, могут касаться защиты в соответствии с Пактом или других прав человека лиц, не участвующих в собрании²¹. В данном случае Комитет считает, что, подобно его подходу в делах, касающихся публичного выражения гомосексуальной идентичности²², публичный призыв к уважению прав трансгендеров, транссексуалов и других гендерных меньшинств, обращающий внимание на дискриминацию, с которой сталкиваются такие лица в обществе, не может оказать негативного влияния на права и свободы несовершеннолетних. В своем замечании общего порядка № 37 (2020) Комитет напомнил также, что государства обязаны оставить на усмотрение участников свободное определение цели мирного собрания, с тем чтобы распространять идеи и устремления в общественной сфере и получать определенную поддержку или встречать противодействие таким идеям и целям. Центральное значение для реализации права на свободу мирных собраний имеет требование о том, чтобы любые ограничения должны быть, в принципе, нейтральными в отношении содержания и, следовательно, не увязываться с идеями, распространяемыми собранием²³. Обратный подход противоречит самой цели мирных собраний как одного из инструментов политического и социального участия, позволяющего людям распространять идеи и заручаться определенной степенью их поддержки²⁴. Соответственно, Комитет считает, что в данном случае ограничения государством-участником права автора на свободу собраний были непосредственно связаны с выбранной целью и содержанием собрания, а именно с правами трансгендеров и транссексуалов и других гендерных меньшинств, и, как представляется, они не отвечают стандартам необходимости и соразмерности по статье 21 Пакта.

7.10 Что касается цели защиты прав лиц, участвующих в другом публичном мероприятии, запланированном в том же месте, Комитет отмечает в этой связи, что ни городская администрация, ни национальные суды не представили никакого обоснования, основанного на индивидуальной оценке двух запланированных публичных мероприятий, относительно того, как на практике публичные мероприятия автора нарушили бы права и свободы других лиц, как это предусмотрено в статье 21 Пакта. Государство-участник также не продемонстрировало, что были приняты какие-либо альтернативные меры для содействия осуществлению прав автора в соответствии

¹⁷ Замечание общего порядка № 37 (2020), п. 46. См. также *Федотова против Российской Федерации* (CCPR/C/106/D/1932/2010), пп. 10.5–10.6; и *Алексеев против Российской Федерации* (CCPR/C/109/D/1873/2009), п. 9.6, и (CCPR/C/130/D/2757/2016), пп. 9.5–9.12.

¹⁸ Замечание общего порядка № 37 (2020), п. 55.

¹⁹ Там же, п. 22.

²⁰ Там же, п. 38.

²¹ Там же, п. 47.

²² *Алексеев против Российской Федерации* (CCPR/C/130/D/2757/2016), п. 9.8, и (CCPR/C/130/D/2727/2016), п. 7.8.

²³ Замечание общего порядка № 37 (2020), пп. 22 и 48. См. также *Алексеев против Российской Федерации*, (CCPR/C/109/D/1873/2009), п. 9.6.

²⁴ Замечание общего порядка № 37 (2020), п. 48.

со статьей 21. Комитет отмечает, что разрешение проводить пикет только в заранее определенных, изолированных местах не соответствует, как представляется, критериям необходимости и соразмерности, предусмотренным статьей 21 Пакта.

7.11 Таким образом, Комитет приходит к выводу, что государство-участник не доказало, что ограничение, наложенное на права автора, было необходимым в демократическом обществе в интересах охраны здоровья или нравственности населения или защиты прав и свободы других лиц. Соответственно, Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 21 Пакта.

7.12 Учитывая этот вывод, Комитет постановляет не проводить отдельное рассмотрение возможного нарушения статьи 19 Пакта.

7.13 Комитет далее отмечает утверждение автора о том, что, отказав в разрешении на проведение запланированного мероприятия, власти подвергли его дискриминации по признаку гендерной идентичности в нарушение статьи 26 Пакта. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что один из мотивов отказа в выдаче разрешения на проведение мероприятия заключался в защите прав несовершеннолетних (пп. 4.5–4.6 выше).

7.14 Комитет отмечает, что в своем замечании общего порядка № 37 (2020) он напомнил, что государства не должны относиться к собраниям дискриминационным образом, например по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности. Особые усилия должны прилагаться для того, чтобы обеспечить равное и эффективное поощрение и защиту права на мирные собрания лиц, которые являются членами групп, подвергающихся или подвергавшихся дискриминации. Кроме того, государства обязаны защищать участников от всех форм дискриминационных посягательств и нападений²⁵.

7.15 Комитет напоминает, что в пункте 1 своего замечания общего порядка № 18 (1989) он отметил, что статья 26 Пакта обеспечивает всем людям равенство перед законом и право на равную защиту закона, предусматривает, что всякого рода дискриминация должна быть запрещена законом, и гарантирует всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку, как-то: расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства. Ссылаясь на свои решения²⁶, Комитет напоминает, что запрещение дискриминации в соответствии со статьей 26 охватывает также и дискриминацию по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности²⁷.

7.16 Комитет считает, что власти были против содержания запланированного мероприятия (пп. 2.8 и 4.5–4.6 выше) и явно проводили различие по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности, что представляет собой дифференциацию по признакам, запрещенным статьей 26 Пакта²⁸.

7.17 Кроме того, Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой дифференциация по признакам, перечисленным в статье 26 Пакта, не представляет собой дискриминацию, если она основывается на разумных и объективных

²⁵ Замечание общего порядка № 37 (2020), п. 25. См. также *Федотова против Российской Федерации*, п. 10.4.

²⁶ *Тунен против Австралии*, сообщение № 488/1992, п. 8.7; *Янг против Австралии* (CCPR/C/78/D/941/2000), п. 10.4; и *X. против Колумбии* (CCPR/C/89/D/1361/2005), п. 7.2.

²⁷ *Непомнящий против Российской Федерации* (CCPR/C/123/D/2318/2013), п. 7.3.

²⁸ *Алексеев против Российской Федерации* (CCPR/C/130/D/2757/2016), п. 9.15.

критериях²⁹ и осуществляется с законной с точки зрения Пакта целью³⁰. Хотя Комитет признает роль властей государства-участника в плане защиты благополучия несовершеннолетних, он отмечает, что государство-участник не смогло доказать, что данное ограничение на проведение предлагавшегося мирного собрания было основано на разумных и объективных критериях. Более того, государство-участник не представило никаких доказательств, указывающих на существование факторов, которые могли бы оправдать такое ограничение.

7.18 В этих обстоятельствах обязательство государства-участника состояло в защите автора при осуществлении им своих прав, закрепленных в Пакте, а не в отказе ему в осуществлении таких прав³¹. Комитет также отмечает, что ранее он уже приходил к выводу о том, что законы о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» в государстве-участнике лишь усиливают негативные стереотипы в отношении отдельных лиц по признаку их сексуальной ориентации и гендерной идентичности и представляют собой непропорциональное ограничение их прав, предусмотренных в Пакте, и призвал к отмене таких законов³². Соответственно, Комитет считает, что государство-участник не смогло доказать, что ограничение права автора на мирные собрания было основано на разумных и объективных критериях и преследовало законную цель в соответствии с Пактом. Поэтому запрет был равносителен нарушению прав автора по статье 26 Пакта.

8. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 21 и 26 Пакта.

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Это требует от него предоставления полного возмещения лицам, чьи права, гарантируемые Пактом, были нарушены. Государство-участник обязано также принять все необходимые меры для предотвращения подобных нарушений в будущем. В этой связи Комитет вновь заявляет, что в соответствии с обязательствами государства-участника по пункту 2 статьи 2 Пакта ему следует пересмотреть свое законодательство, с тем чтобы обеспечить полноценное осуществление в государстве-участнике прав, закрепленных в статье 21, включая право на организацию и проведение мирных собраний, и в статье 26 Пакта.

10. Принимая во внимание, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечить всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и предоставлять эффективное средство правовой защиты, когда будет установлено, что имело место нарушение, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых для реализации Соображений Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать настоящие Соображения и обеспечить их широкое распространение на официальном языке государства-участника.

²⁹ *Брукс против Нидерландов*, сообщение № 172/1984, п. 13; *Зваан-де Врис против Нидерландов*, сообщение 182/1984, п. 13; *Мюллер и Энгельхард против Намибии* (CCPR/C/74/D/919/2000), п. 6.7; *Держсен и Баккер против Нидерландов* (CCPR/C/80/D/976/2001), п. 9.2; и *Федотова против Российской Федерации*, п. 10.6.

³⁰ Замечание общего порядка № 18, п. 13. См. также *О'Нил и Куинн против Ирландии* (CCPR/C/87/D/1314/2004), п. 8.3.

³¹ *Алексеев против Российской Федерации* (CCPR/C/109/D/1873/2009), п. 9.6.

³² CCPR/C/RUS/CO/7, п. 10. См. также *Алексеев против Российской Федерации* (CCPR/C/130/D/2757/2016), п. 9.17, и (CCPR/C/130/D/2727/2016), п. 7.15.